(cc) BY

Лавицкая Марина Ивановна
д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Аннотация*: в статье автором рассматривается генезис конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в исторической ретроспективе. Автор приходит к выводу, что на протяжении всех эпох он проходил трудный путь развития и, соглашаясь с тем, что само наличие механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина свидетельствует о социальной зрелости государства, постулирует, что уровень зрелости государства должен коррелировать с уровнем зрелости самого общества для проведения эффективных реформ, а также с правильным социальным восприятием и функционированием конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина.*

Ключевые слова*: достоинство личности, права и свободы человека и гражданина, конституционно-правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина, органы внутренних дел.*

По справедливому замечанию Р. Ягудина, само наличие механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина свидетельствует о социальной зрелости государства [12, с. 1]. Дополним его мысль: как нам кажется, уровень зрелости государства должен коррелировать и с уровнем зрелости самого общества, которому тоже могут быть непонятна необходимость и потребность не то, что в наличии этого механизма, но даже сам факт существования прав и свобод. Поэтому необходимо поступательное его внедрение, которое следует соотносить с самой идеей и практикой распространения прав человека в различных сегментах общества.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

С какого момента можно говорить о наличии в нашем государстве складывающегося механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина – вопрос в науке дискуссионный. Вышеупомянутый Р.А. Ягудин, будучи приверженцем формационной концепции, рассматривая, правда, более узкую тему (механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина), полагает, что этот процесс делится на три этапа, которые он связывает с разными типами общественных отношений, обозначая первый из них как период от рабовладения до становления капиталистических отношений, рамки второго временного периода он ограничивает октябрьской революцией 1917 года, затем из его исследовании полностью выпадает советский период (возможно, потому что он не считает возможным рассматривать механизм обеспечения защиты прав в тоталитарном государстве, в котором они, во многом, были сугубо формальными, хотя и официально продекларированными на конституционном уровне). Начало развития третьего этапа, по его мнению, ещё незаконченного, он связывает с постсоветской историей нашей страны, и началом его он считает принятия её Основного закона, т. е. 1993 год.

Тогда как другие исследователи не придерживаются такой периодизации, больше связывая её этапы с состоянием общественного сознания. Например, С.В. Рыбак, полагающая, что конституционно-правового механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина прошел в нашей стране долгую, трудную историю своего становления и развития и был трагичен, первым этапом зарождения не самого механизма, а его некоторых элементов, считает период правления императора Александра II, ознаменовавшегося проведением ряда реформ разной степени полноты и завершенности, и либерализацией общественного сознания. Затем, с установлением советской власти, с ее точки зрения, этот процесс значительно затормозился, в том числе, из-за складывания административно-командной системы, и только в современный период этот механизм получил возможность полноценно оформиться и окончательно сложиться [10, с. 172]. До эпохи «великих реформ», по её мнению, права и свободы в

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Российской империи практически игнорировались. Это утверждение представляется весьма спорным и не соответствующим действительности.

Вестернизация, проведенная Петром Первым, фактически являлась насаждением на славянскую ментальность западного образа жизни и элементов устройства западного общества. Процесс был сложным, не всегда удачным во всех реформируемых областях и сферах. Восприятие перемен обществом, которое было весьма консервативным, было, скорее, негативным, что делало необходимым проведение преобразований авторитарными методами, чего Петр I и сам совершенно не скрывал. Так, например, в указе от 27 октября 1699 г. было прямо сказано: «Буде волей не похотят, хотя в неволю». Методы принуждения использовались не только при образовании купеческих компаний по западному образцу, чему был посвящен вышеупомянутый указ, но и во всех сферах. В таких условиях антропоцентричность и гуманизм, составляющие сущность античной цивилизации, на которой западная цивилизация и основывается, остались за рамками внимания царя-реформатора. Кроме того, состояние общественного сознания не позволяло применять гуманистические методы и принципы, включая принципы обеспечения прав человека. Общая жестокость нравов приводила к тому, что первый император, проектируя свои нормативно-правовые акты, в качестве наказания за большинство преступлений предусмотрел простую и квалифицированную смертную казнь. Пытки как способ получения признательных показаний обвиняемого активно использовались в уголовном процессе.

Некоторое смягчение общественных нравов, инициированное императрицей Елизаветой Петровной, за 20 лет своего правления не подписавшей ни одного именного указа о применении смертной казни, в целом, качественно не изменило общественного сознания, и не может свидетельствовать о зарождении механизма обеспечения права и свобод, тем более, что её инициатива последующими правителями поддержана не была.

Предпринятая Екатерина II попытка юридически оформить сословное общество была удачной только для некоторых из сословий (дворянство, мещан-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ство), а применительно к крестьянскому сословию и предоставлению прав его представителям ее попытки так и остались проектами. «Наказ» её как документ, основанный на идеях французского просвещения, не был воспринят даже представителями дворянства из числа депутатов, обсуждавших этот документ. Его содержание было значительно выхолощено теми поправками, которые они вносили, а идея ответственности власти перед обществом показалась им не только не своевременной, но и фактически крамольной. А.В. Оболонский по этому поводу указывает: «Дворянская цензура вычеркнула более половины документа, в том числе около 20 статей, где говорилось о мерах против злоупотребления властью, целях государственной деятельности и т. д.» [9, с. 45].

В эпоху правления её внука Александра уже признавалась необходимость уважения достоинства личности не только в отношении дворян. Например, именно благодаря очень либеральным воззрениям и просвещенности Александра I в 1801 году произошла окончательная отмена пытки как способа доказывания в процессе (Указ императора от 27 сентября этого года), «как стыд и укоризну человечеству наносящее» [8, с. 7], что привело правоприменителей, отнюдь не обладавших таким уровнем правосознания, как данный император, в растерянность и недоумение.

В советской трактовке восстание декабристов подавалось как прообраз революционного движения, в котором лучшие люди Российской империи были озабочены положением народа, которое признавали нетерпимым. Так в уставе «Союза благоденствия» было отмечено: «Союз старается укрощать и искоренять властолюбие и презрение прав человеческих и убедить всякого в истине, что каждый человек, какого бы сословия он не был, вправе оными пользоваться» [7, с. 245]. Воспринималось это не только как проявление гражданского сознания, но и первые (пусть и невоплощенные в действительность) попытки подготовки конституционных документов, построенных на гуманистических принципах и призванных изменить государственно-политическое устройство империи. Муравьевский конституционный проект был гораздо более умеренным, чем «Русская правда» П. Пестеля, которая провозглашала первейшим пра-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вом право на личную свободу, а целью деятельности правительства считала её обеспечение и служение народу. Несмотря на столь радикальные воззрения, из декабристов только один человек пошел на освобождение своих крестьян от крепостной зависимости, что делает их либеральные воззрения весьма умозрительными, хотя и популярными в вольнодумной дворянской среде. Гораздо более адекватной реальности нам представляется версия про декабристов, в которой они представлены как соратники Константина, проигравшего во внутридинастической борьбе своему брату, будущему императору Николаю I, а не активные сторонники идей народного освобождения.

С проведением либеральных реформ Александра II, вызванных потребностью в смягчении общественных нравов и приведением в соответствие им нормативно-правовой базы и социально-политических институтов, можно говорить о начале формирования механизма обеспечения прав и свобод личности. Согласно Судебным Уставам 1864 года появилась адвокатура в форме присяжных и частных поверенных, воспринявшая западные элементы этого института, сочетавшиеся с традициями, сложившимися в России. Демократизация общественной жизни дала новый импульс к развитию адвокатуры и поставила перед ней важную задачу: защищая клиентов в уголовном процессе и оказывая юридическую помощь, адвокаты, тем самым, укрепляли основы права в стране и способствовали усилению позиций гражданского общества и его развитию.

Несмотря на прогрессивный характер этих преобразований, консервативная часть российского общества и государственная власть до конца 70-х годов относились к адвокатскому сообществу в виде присяжных поверенных довольно настороженно, это, на наш взгляд, было связано с трудностями продвижения в социуме демократических преобразований, что не только вызвало определенное неприятие адвокатуры в виде поверенных, но и попытки контрреформирования (в частности, в виде помещения поверенных под контроль суда) этого демократического института в 80-х гг. XIX в., оправдавшего надежды либеральной и отчасти революционной части общества, но именно этим восстановившего против себя власть. Однако стоит согласиться со справедливым мне-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нием исследователей, полагающих, что «присяжная адвокатура в пореформенный период успела занять почетное место в социально-культурной жизни российского общества» [4], дав целую плеяду адвокатов, ученых и общественных деятелей, в числе которых можно назвать: В.Д. Спасовича, П.А. Александрова, В.Д. Стасова, Ф.Н. Плевако, В.И. Жуковского, А.И. Урусова и многих других, ученых публицистов: А.И. Стропина, С.А. Муромцева, К.К. Арсеньева, Л.З. Слонимского, Г.А. Джаншиева и ряд других.

Нельзя не отметить, что во многом сознание общества, оставаясь попрежнему инфантильным и полуазиатским, оказалось, как выяснилось, не соответствующим инициированным государством европейским преобразованиям. Ввиду чего либерализация была воспринята как чувство вседозволенной свободы, а поддержание правопорядка – как помеха этому процессу и укрепление деспотичного самодержавия. Именно поэтому с подачи блестящей речи адвоката П.А. Александрова и напутственного слова председателя суда А.Ф. Кони была оправдана террористка В. Засулич, стрелявшая в генерал-губернатора Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепова, что вызвало откровенное ликование среди либеральной общественности и полную поддержку присяжным, внесшим оправдательный вердикт. Однако, несмотря на подобные воззрения интеллигенции и либеральных кругов общества вне зависимости от сословной принадлежности, а может, если рассуждать диалектически, и благодаря им, в Российской империи появляется значительное число исследователей, изучающих сущность правового государства и возможность построения его в Российской империи или привнесения его элементов в реальную действительность.

Б.А. Кистяковский отметил прямую взаимосвязь между функционированием правового государства и развитием идеи прав личности, по его мнению, необходим определенный уровень культуры человека, включая правовую культуру, что привело его к созданию теории правовой личности, которая, с одной стороны, достаточно свободна, чтобы реализовывать предоставленный ей спектр прав, а, с другой стороны, связана принципом законности и соблюдает правопорядок. Этот ученый также полагал, что процесс государственной защи-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ты прав может рассматриваться в позитивном и негативном смысле. Он активируется, когда нарушение прав уже состоялось, и правам требуется защита, тогда как более важный, позитивный аспект защиты права предполагает постоянное создание условий для их соблюдения.

С.А. Котляревский отмечал необходимость признания идеи естественных прав человека и предоставления возможности для каждого права на достойное существование, не связанного с борьбой за выживание.

В советской историографии было принято считать, что государственные органы, включая МВД, проводили волю государства, конечно же, реакционную, а прогрессивные воззрения оказались замкнуты в узком кругу либеральной общественности и не оказывали влияния на государственную политику. Вместе с тем нельзя не признать, что это не соответствует реальной действительности: после взятия большевиками власти и отказа от исторического наследия Российской империи, в том числе, и на юридическом уровне, история и практики погибшей империи оказались оклеветаны и весьма демонизированы. Вспоминая пушкинское высказывание о том, что правительство – единственный европеец в России, можно сказать, что прогрессивные преобразования шли как раз «сверху», однако некритично воспринимались либеральной общественностью из-за её инфантильно-незрелого мышления, а на низовом уровне они не воспринимались из-за низкого уровня правовой культуры в целом, часто даже не осознавалась их необходимость. В этом нельзя винить низшие слои общества, поскольку культурогенез всегда происходит путем формирования культуры в высших классах, а потом её дальнейшего постепенного восприятия «сверху вниз» всеми членами общества.

МВД в этот период, поддерживая правопорядок, скорее, выполняло демпфирующую функцию на пути огульно-некритичного восприятия свободы как вседозволенности, не имея при этом и из-за этого хорошей репутации в глазах либеральной общественности, воспринимавшей его как тормоз на пути общественного прогресса. Хотя опыт французской революции мог бы научить тому,

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

что революционные преобразования приводят только к существенному ухудшению положения всего социума по сравнению с предыдущей ситуацией.

В этих условиях даже личная безопасность членов партии большевиков не была гарантирована, их право на жизнь (не говоря уже о правах менее привилегированных граждан) государством не защищалось, несмотря на то, что во всех конституциях советской России, а позднее СССР и его республик это личное право, как и другие права, формально декларировались. Нельзя не отметить, что в советском государстве никогда не признавался на официальном уровне принцип неотъемлемости прав личности [6, с. 5], поскольку считалось, что индивидуальные права и свободы личности должны раствориться в правах коллективных.

Концептуально не соглашаясь в целом с просоветской трактовкой революционных событий, изложенной в диссертационном исследовании С.В. Гунича, поддержим его частное высказывание: «Концепция отмирания государства при коммунизме не содействовала, а наоборот, скорее мешала процессу формирования конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод личности» [5, с. 30]. Можно согласиться и с итоговым выводом Б. Эбзеева, который справедливо отметил, что здание свободы большевики стали строить на пустом месте [11, с. 61], имея в виду, что большевики все теоретические наработки дореволюционных теоретиков права и конституционалистов решительно отвергли.

Причем в процессе строительства личность и её права сущностно считались столь несущественными и неважными, что даже в ООН в процессе голосования в 1948 году по поводу принятия Всеобщей Декларации прав человека, СССР при голосовании воздержался.

К 1977 году в советской союзной конституции оказался закреплен целый спектр прав и свобод. Спецификой закрепления экономических прав было принципиальное неприятие права частной собственности на средства производства (личная собственность допускалась, хотя и не могла использоваться в предпринимательской деятельности). КПСС с 1936 года упоминалась в совет-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ских конституциях, а с 1977 года была указана в конституции в качестве направляющей и руководящей силы советского общества. При этом КПСС никогда не регистрировалась Министерством юстиции СССР как общественная организация (тоже самое было с ВЛКСМ), то есть, этой организации де-юре не существовало в СССР. Финансы и бюджет КПСС были полностью непрозрачны, и не было известно, куда расходовались довольно большие средства: одними из источников финансирования КПСС были регулярные взносы членов партии (19 миллионов человек на 1988 год), доходы от издательской деятельности, доходы от Советского фонда защиты мира и так далее. Официально советское государство эту деятельность КПСС никак не регулировало и не контролировало. В 1988 году КПСС подала заявку на регистрацию в Минюст СССР как общественная организация. Однако известно точно, что в марте 1991 года КПСС подала другую заявку (вместе с ВЛКСМ). В ходе последующего судебного разбирательства в Конституционном суде РФ в ноябре 1992г. вокруг указа Бориса Ельцина от 25 августа 1991 года [1] и последующего указа о запрете деятельности КПСС и ее «российского отделения» [2] возникла коллизия: невозможно определить, какое имущество принадлежит КПСС, поскольку она не завершила в 1991 году процесс оформления имущества как общественная организация.

Таким образом, в странной государственной советской структуре КПСС имела конституционно-правовой статус «руководящей и направляющей силы», неясный с юридической точки зрения. В СССР как государстве «нового типа», постепенно превращавшемся в обычное государство, механизм обеспечения прав декларировался, но за защитой прав часто приходилось обращаться не в суд, а в партийные органы, что было намного эффективней, при этом сама КПСС, сосредоточив в своих руках контрольно-надзорные полномочия во всех ветвях власти, имела неопределенный правовой статус и неурегулированный юридический статус своего имущества.

Нельзя не отметить, что, несмотря на отсутствие интереса к правам личности, детерминированного коллективистскими ценностями, продекларированными советским государством, уровень обеспечения некоторых групп прав был

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

значительно выше, чем в настоящее время (например, социальных), а ОВД и его центральное звено – милиция вызывали большую степень доверия по сравнению с постсоветским периодом. Авторитетность милиции подтверждалась отсутствием необходимости применять силовой ресурс к добропорядочным гражданам, к ним применялся в основном метода убеждения, а не принуждения. ОВД старательно формировали свой позитивный имидж различными способами (например, признавая важнейшим искусством кино, из-за формирования и поддержания позитивного имиджа А. Ростоцкому вручили премию МВД за роль положительного милиционера в фильме «Внимание, всем постам…»), однако и сотрудники ОВД в основной своей массе были нацелены именно на идею служения социалистическому обществу и защиту прав граждан и действительно отличались подобающими профессиональными и личностными качествами.

Улучшение состояния прав человека на нормативном уровне, выразившееся в принятии 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина [3], в которой, во-первых, произошло изменение концепции восприятия системы прав и свобод человека и гражданина с позитивистской на естественную, во-вторых, социально-экономические права по значимости отказались на третьем месте после гражданских и политических (эта модель была практически полностью воспроизведена в Российской Конституции 1993 года, разработчики которой, по воспоминаниям Ю.Ю. Болдырева, вообще планировали поместить конституционную концепцию прав и свобод в первую главу, однако вынуждены были уступить ельцинским замечаниям, отстояв только упоминание о важности прав и свобод на уровне высшей ценности в ст.2), в реальной действительности сопровождалось из-за разрушения СССР, перехода к новой общественно-политическим отношениям и строительства транзитарной экономики разгулом преступности, падением уровня законности и разрушением правопорядка, а также деформациями облика сотрудников ОВД, что постепенно вызвало со стороны социума по отношению к ним падение уровня доверия, вос-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

становление которого ставил во главу угла Президент РФ Д.А. Медведев, инициируя реформу полиции.

Итак, если рассматривать генезис конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в исторической ретроспективе, то следует отметить, что на протяжении всех эпох он проходил трудный путь развития. В императорской России его рассвет пришелся на пореформенный период, но общество даже в это время не готово было к ответственному отношению к свободе, и, во многом рассматривая ее как данность, требовало еще большего её уровня и усиления либерализма, поэтому, а не из-за реакционности императорской фамилии, вводить этот механизм для всех сословных групп ранее было бессмысленным. Резкое падение обеспечения прав и свобод после большевистского переворота делает невозможным даже существование его отдельных элементов, несмотря на то, что в советской России и позднее в СССР на уровне конституционной основы, которая во многом осталась фиктивной, а не воплощенной в реальную действительность, права и свободы уверенно декларировались, как и система гарантий их обеспечения. В послесталинском СССР произошло смягчение нравов, но некоторые права принципиально не признавались и не обеспечивались, исходя из специфики советского строя, хотя в целом уровень защиты отдельных групп социальных прав был выше, чем в современной РФ, как и уровень доверия к ОВД как субъекту, играющему важную роль в механизме обеспечения прав и свобод.

Список литературы

1. Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 №90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» // Ведомости ВС народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – №35. – Ст. 1164.

2. Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 №169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/385

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 №1920–1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – №52. – Ст. 1865.

4. Головин А.Ю. Отечественная адвокатура в пореформенный период / А.Ю. Головин, Е.Н. Соломатин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013 – №12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-advokatura-v-poreformennyy-period (дата обращения: 15.10.2019).

5. Гунич С.В. Органы внутренних дел как элемент конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Гунич. – Хабаровск: РГБ, 2014. – 211 с.

6. Дмитриев Ю.А. Правовое положение человека и гражданина в РФ / Ю.А. Дмитриев. – М.: Манускрипт, 1992. – 50 с.

7. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2 / общ. ред. и вступит. статья И.Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1951.– 568 с.

8. Мещеряков Ю.В. Уголовное судопроизводство России первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Мещеряков. – Л.: РГБ, 1985. – 28 с.

9. Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности / А.В. Оболонский. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 352 с.

10. Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод гражданина: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Рыбак. – Ростов н/Д: РГБ, 1999. – 199 с.

11. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека / Б.С. Эбзеев. – М.; Черкесск: АО ПУЛ, 1992. – 228 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

12. Ягудин Р.А. Механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р.А. Ягудин. – СПб.: РГБ, 2004. – 31 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)